

этнографии, религиоведения, истории, социологии, чрезвычайно информативная, удачно скомпонованная, эта книга, несомненно, привлечет внимание широкого круга специалистов.

Если же говорить о замечаниях, то у меня их немного. Во-первых, я обратил бы внимание на то обстоятельство, что этнокультурное единообразие негров США в последнее время можно считать не таким уже бесспорным, как это вытекает из текста книги. Растет иммиграция из Вест-Индии, а вестиндские негры, даже англоязычные, все-таки отличаются от афроамериканцев США. Тем более это можно сказать о чернокожих выходцах с Гаити, Кубы, Пуэрто Рико. В большинстве это католики, чего не скажешь о неграх Соединенных Штатов, и большинство из них – прихожане храмов, где звучит не английская, а иная речь. Известно, например, что в Нью-Йорке есть по крайней мере один храм, где служба идет на гаитянском креоле. Э.Л. Нитобург несколько раз упоминает о вестиндцах, однако, лишь вскользь, как правило, в самой общей форме.

Второе. Касаясь роли выходцев из Вест-Индии в общественном и религиозном движении негров США, автор пишет: «Вест-индские негры принесли с собой долгие боевые традиции и сыграли в XX в. заметную роль в культурной и общественной жизни темнокожего населения США» (с. 163). Стоило бы, вероятно, пояснить, с чем связано формирование этих традиций. Вероятно, с многочисленными восстаниями, а также с тем обстоятельством, что рабство в Британской Вест-Индии было отменено на несколько десятилетий раньше, чем в США. Не следовало бы сбрасывать со счетов и того, что дискриминация на островах Карибского моря не достигла столь высокого градуса, как на Юге Соединенных Штатов. И, наконец, негры в Вест-Индии составляли не меньшинство, как в США, а большинство населения.

Третье. Несколько озадачивает читателя, что о культе воды в книге говорится всего на полутора страницах в приложении (с. 256–257) и он локализуется преимущественно в Нью-Орлеане.

Из более мелких замечаний. Одно из предложений на с. 74 сформулировано так, что языки банту оказываются связанными не с Восточной, а с Западной Африкой, а в то же время языки Западной Африки (хауса, йоруба и др.) вообще не упоминаются, хотя среди проданных в рабство на них говорили многие. Касаясь роста численности приверженцев католицизма среди негров США (с. 191), автор не упоминает, что это увеличение было связано и с интенсивной иммиграцией из соответствующих стран Вест-Индии. Упоминаемая на с. 237 «царица Шеба» – это, конечно, царица Савская.

Разумеется, общую высокую оценку книги определяют не эти частные замечания.

А.Д. Дридзе

© 1997 г., ЭО, № 4

В.И. Бушкова, Д.В. Миккульский. «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994). М., 1995. 310 с.

Публикаций о событиях 1989–1994 гг. в Таджикистане так много, что рядовому читателю глубоко освоить их достаточно сложно. Сталкиваясь с новой книгой на эту тему, невольно задаешься вопросом – для чего она написана, что в ней нового по сравнению с уже известной оперативной информацией, постепенно обросшей догадками и гипотезами, политологическими моделями или публицистическими рассуждениями. Все материалы, безусловно, ценны, но их фрагментарность, а нередко и противоречивость мешают глубокому пониманию происшедшего. Поэтому следующим шагом на этом пути должна быть их систематизация, чему и посвящена серия публикаций ИЭА РАН «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», своевременность и целесообразность которой не вызывает сомнений. Рецензируемая монография вышла именно в этой серии.

Книга В.И. Бушкова и Д.В. Миккульского как бы предваряет будущие исследования по истории Таджикистана конца XX в., поскольку дает анализ еще незавершенного процесса, начало которого уже настоятельно требует осмысления. Общий замысел и жанровая форма рецензируемой книги заданы не авторами, а издателями серии: в первом разделе – изложение событий 1989–1994 гг. и связанной с ними проблематики, во втором – перепечатки и публикации разнообразных документальных источников того же периода. Значимость таких работ, естественно, определяется качеством авторского воплощения этих задач: полнотой, репрезентативностью, разносторонностью подбора материалов, логически расчлененной и легко воспринимаемой их «подачей», а также убедительным соотношением объемов обоих разделов. Согласно этим критериям и будет рассмотрена рецензируемая работа.

Исследователи собрали разнородный и большой материал, поместив его в рамки своей четко изложенной концепции¹.

Основной посыл этой концепции общепризнан: распад СССР везде привел к дестабилизации «республиканских» обществ, но корни происшедших событий в каждом государстве СНГ авторы склонны усматривать в своеобразии их развития на протяжении всего XX в., в частности, в кризисе традиционного среднеазиатского общества, который практически глубоко и достаточно полно еще не исследован.

Весьма плодотворно авторы разграничили, с одной стороны, подспудные и малоизученные социальные процессы в Таджикистане на протяжении всего XX в., с другой – более поверхностные течения перестроечного времени. Авторы убеждены, что структура таджикского общества в 90-х гг. близка типичной «восточной модели», предполагающей наличие изрядной доли архаики; в литературе подобное общество часто называют «традиционным» (с. 12) (или «традиционалистским»? – Л. Ч.). Бушков и Микульский полагают, что к началу 90-х годов оно достигло состояния бифуркации² (с. 15), когда сосуществование двух цивилизационных моделей в одном экономическом пространстве стало далее невозможным: традиционное начало мешало модернизации, а последняя душила и, наконец, парализовала естественную трансформацию традиционных механизмов социальной жизни.

Много страниц первого раздела книги посвящено конкретной ситуации в Таджикистане накануне роковых событий 1990 г. Важной составляющей той общественной атмосферы было бытование мифа о России, как причине всех местных бед. Возникший в среде националистически настроенной части таджикской интеллигенции миф постепенно находил сторонников и в народе, преимущественно среди горожан, а его успешная пропаганда содействовала порождению затем революционных ростков (с. 15). Эти утверждения авторов о распространности националистических настроений, мыслей и даже отдельных действий – не вызывают сомнений, но их значимость кажется мне приуменьченной. Что, кстати, подтверждает и приведенное ниже наблюдение самих авторов о реакции основной массы таджиков, особенно сельских, на националистические и демократические призывы: на бытовом уровне все эти идеи воспринимались достаточно спокойно, как несоответствующие исламу и поэтому как бы изначально вторичные (с. 17). Видимо, это следствие того, что моральный приоритет шариата был скорее теоретическим, лозунговым, поскольку степень овладения мусульманским наследием у рядовых таджиков вряд ли была высока.

Другими важными чертами таджикской ситуации начала 90-х гг. стала фактическая легализация ислама (в виде принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях»), а также формирование национально-демократических партий и движений (с. 19–21).

Размышляя обо всем этом, В.И. Бушков и Д.В. Микульский отмечают проявление в таджикском обществе настроений эйфории от внезапно полученной независимости, и в то же время констатируют интенсивную перегруппировку социальных сил, вследствие которой некоторые политические формы предстали в виде традиционных локально-социальных структур (с. 18). Последнее обстоятельство навело авторов на мысль о фактическом отсутствии в Таджикистане традиций национальной государственности, что в качестве гипотезы не лишено интереса, но, разумеется, требует более глубоких разысканий. Именно в подобной связи весьма уместны замечания авторов о специфике политической культуры в современном Таджикистане (с. 46–55), которую они справедливо связывают с частичным функционированием традиционных институтов в текущей политической жизни³.

Предлагаемая в книге периодизация событий в республике начала 90-х гг. очевидна: мирный этап сменила вооруженная борьба, в конце концов переросшая в гражданскую войну (с. 15–46). И тем не менее авторы считают необходимым аргументировать членение этих событий на этапы, указывая на ведущие тенденции и подчеркивая акценты в каждом из них. В итоге периодизация выглядит убедительно, но два замечания все же необходимы. Прежде всего, не ясно, какие критерии выбраны для сравнения этапов; при большей четкости в этом отношении, возможно, удалось бы избежать и второго упрека: иногда авторы впадают в простое перечисление эпизодов борьбы, отчасти дублируя «Хронику...» (напр. с. 37–41). Из-за этого содержательные границы между этапами гражданской войны все же остаются размытыми, а понятие «таджикская революция» – не до конца проясненным.

Подраздел первого раздела «Хроника» изучаемых событий занимает около трети авторского текста; по мере его чтения нарастает ощущение хаотичности и многозначности происшедшего. Мозаика из официальных и неофициальных сообщений, из проверенных данных, сомнительных сведений и откровенных слухов выстраивается таким образом, что оригинальность и разномасштабность представленного фактологического ряда в конце концов заставляет забыть о некоторой его аморфности. При этом авторы намеренно избегают собственных оценок, видя свою задачу в максимально разностороннем и рельефном показе событий.

Вопрос о межэтнических отношениях выделен особо. Правда, авторы ограничились лишь рассмотрением русско-таджикских отношений (см. раздел «Русские в Таджикистане» (с. 55–59). Однако не менее важны в республике всегда были таджикско-узбекские отношения. Но не на государственном уровне, а именно в повседневном межэтническом общении, но эти аспекты в книге почему-то не рассмотрены.

Проблемы русско-таджикских отношений авторы, как обычно, рассматривают, опираясь на официальные статистические документы и на устную историю, циркулировавшую как в таджикской, так и в русской среде. Опубликованные цифры свидетельствуют о значительном оттоке славянского, немецкого, еврейского населения из Таджикистана в начале 90-х гг., с их помощью фиксируется его начало, кульминация, волны «частичного возврата» и т.п. Интересны и добытые во время этнографического опроса рассказы о реальных, наблюдаемых действиях (например, о внеэтнических объединениях мужчин в Душанбе для защиты своих подъездов и дворов от набегов бандитов), а также примеры мгновенно возникавших и охватывавших население слухов, проявлений устойчивых общественных предрассудков и этнических стереотипов. Эти материалы не столько уточняют намеченные статистикой тенденции, сколько создают более объемную картину действительности, передают неповторимую психологическую атмосферу неразберихи в умах и чувствах людей.

Второй раздел занимает две трети объема книги и включает перепечатку официальных документов и свидетельств, относящихся к событиям 1989–1994 гг. (публикации важнейших законов, постановлений правительства, проектов, деклараций, партийных программ и выступлений политиков разных ориентаций в СМИ). Особенно ценны материалы из местной прессы и отдельные рукописные документы, переведенные с таджикского.

Цель, поставленная авторами – выявить спектр мнений участников событий по основным спорным вопросам – безусловно, достигнута; выбор документов можно считать удачным еще и потому, что развернутая в начале книги панорама событий во втором разделе дополнена и детализирована (жаль только, что в тексте I раздела отсутствуют указания на соответствующие описываемому моменту документы из II раздела, что явно помогло бы читателю). Иными словами, все представленные документальные свидетельства, несомненно, обладают источниковедческой ценностью и именно поэтому настоятельно требуют комментариев. Здесь же хочется посоветовать на отсутствие информации о реакции различных групп на тот или иной опубликованный закон или публично высказанную идею, наблюдения над воздействием провозглашавшихся призывов на реальные прослойки населения и т.п., другими словами, создание как бы неофициального контекста вокруг изучаемых событий и документов, что немаловажно для их правильного истолкования. Такой информацией, безусловно, владеют авторы книги, часто посещавшие Таджикистан и тесно общавшиеся с разными людьми. Отметим также, что очень ценен и помещенный в книге именной указатель, помогающий читателю ориентироваться в калейдоскопе малознакомых фамилий.

Среди лиц, активно обсуждающих текущие политические процессы в СНГ, голоса историков слышны все еще редко, хотя уже стало очевидным, что как раз их профессиональные знания могут не только помочь устранить ошибки, допущенные неспециалистами, но иногда и нестандартно осветить сложившуюся ситуацию. Ценность книги В.И. Бушкова и Д.В. Микульского мне видится именно в этом особом видении – этнографа и историка.

Примечания

¹ Основные идеи концепции изложены авторами в предшествующей работе. (См.: Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикиское общество на рубеже тысячелетий. М., 1992).

² Замечу, кстати, что введение в подобные тексты малоупотребляемых и неустоявшихся по значению понятий и терминов без их специального определения не вполне корректно и, главное, препятствует адекватному истолкованию авторской мысли.

³ Ср. Чвырь Л.А. Таджикистан. Весна 1992 г. (комментарий этнографа к политическим событиям) // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 75–86.

Л.А. Чвырь

© 1997 г., ЭО, № 4

Т.В. Гончарова, А.К. Стеценко, Я.Г. Шемякин. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. I. М., 1995. 145 с.; Кн. II. М., 1995. 168 с.

Рецензируемая монография посвящена теме взаимодействия универсальных и локальных факторов в латиноамериканской истории, в том числе и современной; контактам различных цивилизационных и этнокультурных начал – автохтонного индейского, европейского и африканского – с присущими им системами ценностей.

Авторы исходят из признания единства человеческой истории и общечеловеческих ценностей, что, по их мнению, отнюдь не снимает проблему достижения взаимопонимания между представителями различных культур и цивилизаций. В главах монографии, посвященных отдельным участникам «межцивилизационного